

Глава 8

Прецеденты Европейского Суда по правам человека: решения по существу, вынесенные в отношении России

Катарина Харби

На момент написания¹ Европейский Суд по правам человека вынес в отношении России 54 решения по существу. В настоящей главе рассматриваются основные тенденции и наиболее важные проблемы, поднимаемые в этих делах. Глава разделена на следующие тематические области:

- 1) гражданское разбирательство;
- 2) имущественные вопросы;
- 3) жилище и частная жизнь;
- 4) уголовное разбирательство;
- 5) положение в Чечне;
- 6) вопросы юрисдикции и экстерриториальные действия и бездействия.

8.1 ГРАЖДАНСКОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО

Ст. 6 Европейской Конвенции по правам человека гарантирует каждому право на справедливое судебное разбирательство «в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения». В ст. 6 содержится ряд особых гарантий, которые должны быть предоставлены участникам судебного разбирательства.

Немалое число дел в отношении России связано с различными проблемами, возникающими в связи с гражданским разбирательством. Большинство решений по этим делам касается либо вопроса о длительности разбирательства, либо проблем, связанных с исполнением решения. Эти проблемы будут рассмотрены по очереди.

¹ 30 июня 2005 г. Россия ратифицировала Протоколы 1, 4 и 7 к Европейской Конвенции по правам человека.

8.1.1 Длительность разбирательства

Период времени, который должен учитываться при определении того, соответствовало ли разбирательство гарантиям разумности срока, начинается с момента начала разбирательства по гражданским делам и с момента предъявления обвинений по уголовным делам (см. ниже). Этот период заканчивается по завершении разбирательства в самой высокой из возможных инстанций². Для государств, недавно присоединившихся к системе Конвенции, отсчет срока разбирательства начинается с даты ее ратификации, однако Суд может принять во внимание, в каком состоянии находилось дело на тот момент. Обязательство без промедления завершать разбирательство требует от государств особенно внимательного подхода к делу, если разбирательство уже продолжалось в течение некоторого времени до ратификации Конвенции.

Вынося решение о том, имело ли место нарушение, Суд принимает во внимание четыре следующих критерия:

- сложность дела;
- поведение заявителя;
- поведение властей;
- степень риска для заявителя в данном деле.

Путь рассуждений Суда в таких делах можно проследить, например, в деле *Еманаковой против России*³, которое было связано с разбирательством о семейной недвижимости, конфискованной в 1930 г. Отец заявительницы, репрессированный как «кулак», был реабилитирован посмертно, а заявительница обратилась с иском о признании ее прав на дом. Период времени, который должен был рассмотреть Суд, составлял три года и 10 месяцев, которым предшествовали около шести лет разбирательства до 5 мая 1998 г.

Суд указал, что поскольку дело связано с событиями 1930-х годов, оно представляет определенную сложность. С другой стороны, были отмечены такие обстоятельства, как небольшие размеры оспаривае-

² Европейский Суд постановил, что в делах, связанных с надзорным производством, будет принимать во внимание только те периоды, в которые дело действительно находилось в процессе судебного рассмотрения — см. *Ярославцев против России* (*Yaroslavtsev v Russia*), № 42138/02, 2 декабря 2004 г., п. 22.

³ *Yemanakova v Russia*, № 60408/00, 23.09.04.

мого недвижимого имущества, ограниченное число документов в материалах дела и отсутствие каких-либо свидетелей, которых следовало опросить. Поэтому характер исследуемых вопросов права или фактических обстоятельств дела не оправдывал длительности разбирательства. Суд далее заметил, что в течение почти всего рассматриваемого периода суды не уведомляли заявительницу о том, что рассмотрение ее кассационной жалобы откладывалось, при этом в течение этого времени судебные инстанции не проводили вообще никакой работы по делу. Учитывая вышесказанное, а также личные обстоятельства заявительницы и то, что было поставлено для нее на карту, Суд счел, что разбирательство не было проведено в разумный срок в нарушение ст. 6(1).

8.1.2 Проблемы, возникающие при исполнении решений

В решении по делу *Бурдов против России*⁴ — самом первом решении, вынесенном против России — Суд повторил, что ст. 6 гарантирует право на подачу иска, относящегося к гражданским правам и обязанностям, в суд или трибунал, или «право на судебное разбирательство», а одним из аспектов этого права является право доступа к суду, т.е. право инициировать судебное разбирательство по гражданским делам. Однако это право было бы иллюзорным, если бы внутренняя правовая система государства допускала, чтобы окончательное, вступившее в силу судебное решение оставалось недействующим в ущерб одной из сторон. Суд заявил, что было бы немыслимо, чтобы ст. 6 предписывала в подробностях процессуальные гарантии, предоставляемые сторонам в разбирательстве, не гарантируя при этом исполнения судебных решений; толкование ст. 6 как касающейся исключительно доступа к суду и проведения разбирательства привело бы к ситуациям, несовместимым с принципом верховенства закона, который Договаривающиеся государства обязались соблюдать при ратификации Конвенции. Поэтому исполнение решение должно рассматриваться как неотъемлемая часть «судебного разбирательства» по смыслу ст. 6.

Заявитель по делу *Бурдова* принимал участие в спасательной операции в районе катастрофы на Чернобыльской АЭС и в результате пострадал от обширного радиоактивного облучения. В 1991 г. ему

⁴ *Burdov v Russia*, № 59498/00, 07.05.02.

была назначена компенсация за вред, причиненный здоровью, однако эти деньги ему не выплачивались, несмотря на обращение в суд с иском против службы социального обеспечения. В своем решении Суд постановил, что государственные органы не имеют права ссылаться, как это сделали российские власти, на недостаток средств в качестве оправдания невыплаты средств, причитающихся согласно решению. Несмотря на то, что в определенных обстоятельствах задержка при исполнении решения может быть оправдана, она, тем не менее, никогда не должна умалять самую суть права по ст. 6. В деле *Бурдова* несоблюдение российскими властями судебных решений о выплате заявителю компенсации полностью лишило ст. 6 какого-либо смысла и потому представляет собой нарушение Конвенции.

С подобной проблемой было связано много других дел — одним из примеров является дело *Тетеринь против России*⁵, которое касалось неисполнения решения, предписывающего городскому совету обеспечить заявителя государственным жильем, на которое он имел право, будучи судьей.

8.1.3 Надзорное производство

Совместимость с Конвенцией надзорного производства исследовалась в деле *Рябых против России*⁶. Заявительница обратилась с иском против банка и государства, утверждая, что вследствие экономических реформ ее личные сбережения значительно упали в цене. Сбережения были результатом тяжелого труда заявительницы, которая намеревалась купить на эти средства квартиру. Однако государство, в нарушение требований законодательства о вкладах, не провело переоценки сумм на вкладах с целью компенсировать инфляцию. Районный суд вынес решение в пользу заявительницы и назначил ей компенсацию. Однако председатель Белгородского областного суда подал на решение протест в порядке надзора на том основании, что оно было принято в нарушение норм материального права. Решение было отменено, а требования заявительницы оставлены без удовлетворения.

Европейский Суд повторил свои рассуждения по делу *Бурдова*, указав в дополнение, что право тяжущегося на суд было бы иллюзорным

⁵ *Teteriny v Russia*, № 11931/03, 30.06.05.

⁶ *Ryabikh v Russia*, № 52854/99, 24.07.03.

и в том случае, если бы правовая система государства допускала отмену окончательного и вступившего в силу судебного решения судом высшей инстанции не в результате использования права на обжалование, а в результате принесения протеста должностным лицом государства. В данном деле было установлено нарушение ст. 6. Председатель областного суда в этом деле действовал в соответствии со старым Гражданским процессуальным кодексом. Европейский Суд еще не высказывался по вопросу о совместимости с требованиями Конвенции нового Гражданского процессуального кодекса 2002 г.

8.2 ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ВОПРОСЫ

Право на уважение собственности охраняется ст. 1 Протокола 1 Конвенции. Термин «собственность» подвергся широкой интерпретации Суда и включает в себя не только землю и движимое имущество, но и, в том числе, разрешение на застройку, акции, патенты и право на пенсию. Любое вмешательство в эти права должно быть соразмерным и установленным законом.

В деле *Бурдова* Суд повторил свое мнение о том, что иск о возмещении ущерба может представлять собой «собственность», если в достаточной степени установлена его исполнимость. Решения по данному делу вступили в силу, и процедура исполнения была инициирована. Не исполнив эти решения, национальные власти воспрепятствовали заявителю в получении денег, которых он мог с основанием ожидать. Правительство не выдвинуло какого-либо обоснования для подобного нарушения, а Суд счел, что недостаток средств не мог оправдать бездействия со стороны правительства, поэтому имело место нарушение ст. 1 Протокола 1.

В деле *Рябых* Суд повторил, что признанный в судебном решении долг может рассматриваться как собственность в целях ст. 1 Протокола 1. Однако в этом конкретном деле нарушения Суд не усмотрел. После того, как протест в порядке надзора был удовлетворен, дело заявительницы пересматривалось еще четыре раза и, в конце концов, завершилось мировым соглашением, согласно которому государство предоставило заявительнице квартиру стоимостью в 330 тыс. рублей. Эта сумма значительно превышала ту, на которую она изначально имела право, и кроме того Суд ранее исследовал непроведение государством переоценки банковских вкладов и счел, что в его действиях отсутствует какое-либо нарушение.

Нарушение ст. 1 Протокола 1 было установлено в деле *Фризен против России*⁷. Предприятие мужа заявительницы выдало ей беспроцентный заем на покупку автомобиля. Деньги были перечислены непосредственно на банковский счет агента по продаже автомобилей. Два года спустя муж заявительницы был осужден за мошенничество в крупных размерах. Суд распорядился о конфискации его имущества, и машина заявительницы и некоторые предметы домашнего обихода были отобраны. Заявительница обратилась в Европейский Суд с жалобой на то, что ее автомобиль был конфискован за преступления, в совершении которых она не признавалась виновной, без какого-либо законного основания. Суд счел, что какими бы вескими или уместными ни представлялись соображения общественного интереса в конфискации машины заявительницы, это не освобождало национальные власти от обязательства привести законное основание для подобного решения. Суд также отметил, что национальные суды не упомянули ни одного положения закона, дающего право на такую конфискацию, ни в ходе уголовного разбирательства в отношении мужа заявительницы, ни в ходе предпринятого ею гражданского разбирательства.

8.3 ЖИЛИЩЕ И ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ

Ст. 8 Конвенции гарантирует право на уважение личной и семейной жизни, жилища и корреспонденции. Российские дела, по которым к настоящему времени были вынесены решения в связи со ст. 8, в основном касались понятий «жилища» и «личной жизни». В тех случаях, когда устанавливается, что вмешательство в право, гарантированное данной статьей, имело место, Суд исследует, было ли данное вмешательство оправданным в соответствии со вторым пунктом ст. 8.

Право на уважение жилища Суд рассматривал в связи с делом *Прокопович против России*⁸. Заявительница и ее партнер проживали в квартире совместно как муж и жена, однако заявительница была зарегистрирована по месту жительства по своему старому адресу. Партнер заявительницы умер в квартире, когда она находилась в их загородном доме. Заявительница узнала о его смерти только через два дня, когда он уже был похоронен в присутствии своего сына и двух сестер. Заявительница обратилась в жилищно-эксплуатационное уп-

⁷ *Frizen v Russia*, № 58254/00, 24.03.05.

⁸ *Prokopovich v Russia*, № 58255/00, 18.11.04.

равление с просьбой выдать ордер на проживание в этой квартире. В просьбе было отказано, потому что накануне ордер уже был выдан начальнику местного отделения милиции, который также был начальником сына покойного партнера заявительницы. По возвращении в квартиру заявительница обнаружила, что дверь выломана, а ее имущество загружается в грузовик. Заявительнице было велено немедленно освободить помещение и, когда она отказалась подчиниться, ее выселили силой.

Заявительница пыталась начать уголовное и гражданское разбирательство, в том числе против нового жильца квартиры и Владивостокского городского совета. Разбирательство не увенчалось успехом.

Европейский Суд постановил, что жизнь заявительницы в достаточной степени и на протяжении продолжительного времени была связана с квартирой ее партнера, чтобы последняя могла считаться ее жилищем в целях ст. 8. Выселение заявительницы должностными лицами представляло собой вмешательство в ее право на уважение этого жилища. Для того чтобы такое вмешательство было дозволенным согласно ст. 8(2), оно, в том числе, должно было быть «предусмотрено законом». Однако действовавший в то время Жилищный кодекс разрешал осуществлять выселение только на основаниях, установленных законом, а также на основании судебного решения, и его формулировки не допускали исключений. Кроме того, правительство согласилось с тем, что в деле заявительницы должна была быть соблюдена процедура, предусмотренная Жилищным кодексом, несмотря на то, что ее проживание в квартире не было оформлено по закону. Суд не мог усмотреть в этом деле обстоятельств, которые могли бы оправдать отступление от обычной процедуры выдворения и удивительно поспешную передачу квартиры сотруднику милиции всего через семь дней после смерти предыдущего жильца. Соответственно, было установлено, что имело место нарушение ст. 8.

Дело *Смирновой против России*⁹ касалось двух сестер-близнецов, в отношении которых было возбуждено уголовное дело по подозрению в банковском мошенничестве. Они были осуждены за мошенничество в особо крупных размерах и приговорены к восьми и шести годам заключения соответственно с конфискацией имущества. Через три месяца Московский городской суд отменил приговор и освободил их от отбывания срока, поскольку срок давности привлечения

⁹ *Smirnova v Russia*, №№ 46133/99 и 48183/99, 24.07.03.

к уголовной ответственности истек.

При аресте у Елены Смирновой был отобран внутренний паспорт и не возвращался более четырех лет. В течение этого времени московская служба социальной защиты и юридическая фирма отказались принять ее на работу, поскольку у нее не было внутреннего паспорта. В одной из московских поликлиник ей сказали, что бесплатное медицинское обслуживание может быть предоставлено только при представлении страхового полиса и внутреннего паспорта. По той же причине Московская телефонная сеть отказалась проводить телефонную линию в ее дом, а Московская городская нотариальная палата уведомила ее, что для получения нотариальных свидетельств она должна удостоверить свою личность. Ей было отказано в регистрации брака, а также ее останавливал милицейский патруль для установления личности. Поскольку она не могла предъявить паспорт, ее препроводили в отделение милиции, где она была вынуждена заплатить административный штраф.

Суд отметил, что вмешательство в частную жизнь Елены Смирновой было необычным в том смысле, что оно предположительно было вызвано не единичным действием, но проистекало из ряда повседневных неудобств, которые в совокупности продолжались более четырех лет. Суд счел установленным, что в повседневной жизни граждане России часто вынуждены удостоверить свою личность даже при выполнении определенных вполне обыденных задач. Более того, внутренний паспорт необходим и для более существенных нужд — таких как устройство на работу и получение медицинского обслуживания. Поэтому имело место продолжающееся вмешательство в право Елены Смирновой на уважение ее частной жизни. Внутреннее законодательство предусматривает, что паспорт должен возвращаться владельцу при освобождении его из-под стражи. Правительство не смогло доказать, что невозвращение паспорта Елене Смирновой имело какое-либо законное основание, и потому Суд постановил, что было допущено нарушение ст. 8.

Суд также рассматривал вопрос, относящийся к личной жизни в деле *Знаменской против России*¹⁰. Заявительница по этому делу родила мертворожденного мальчика и решила его похоронить. Мертворожденный был зарегистрирован под именем ее бывшего мужа, с которым она развелась пять месяцев назад. Заявительница отказалась по-

¹⁰ *Znamenskaya v Russia*, № 77785/01, 02.06.05.

мещать фамилию бывшего мужа на могиле мертворожденного ребенка, сообщив, что биологическим отцом этого ребенка был г-н Г., с которым они жили совместно как муж и жена в течение трех лет. Однако, поскольку г-н Г. умер ранее в тот же год, они не могли подать совместное заявление об установлении отцовства.

Заявительница обратилась в Чертановский районный суд Москвы с просьбой об установлении отцовства г-на Г. и соответствующем исправлении фамилии и отчества ребенка. Районный суд отказал в удовлетворении ее просьбы, поскольку мертворожденный ребенок не приобрел гражданских прав, а соответствующие положения Семейного кодекса относятся только к живым детям.

Приняв во внимание, что у заявительницы должна была развиться сильная связь с эмбрионом, которого она практически доносила до полного срока, а также то, что она выразила желание дать ему имя и похоронить его, Европейский Суд постановил, что установление отцовства ребенка несомненно затрагивало ее «личную жизнь». Существование отношений между заявительницей и г-ном Г. не оспаривалось, как не оспаривалось и отцовство г-на Г. Поскольку ребенок родился мертвым, установление отцовства не накладывало ни на кого из вовлеченных в ситуацию лиц продолжительного обязательства по его поддержанию. Поэтому представлялось, что в данном деле отсутствовали чьи-либо интересы, которые бы вступали в конфликт с интересами заявительницы. Отказывая в иске заявительницы, национальные суды не сослались на какие-либо законные или убедительные причины для сохранения статус-кво. Более того, правительство признало, что национальные суды допустили ошибку при рассмотрении иска в отношении гражданских прав ребенка, не учтя должным образом права заявительницы. Ситуация, где юридической презумпции было позволено возобладать над биологической и социальной действительностью, без внимания к установленным фактам и пожеланиям заинтересованных лиц и без какой-либо пользы для кого бы то ни было, была несовместима, даже с учетом предоставленной государству свободы усмотрения, с обязательством обеспечить эффективное «уважение» к личной и семейной жизни. Поэтому Суд постановил, что имело место нарушение ст. 8.

Дело *Фадеевой против России*¹¹ было связано с воздействием загрязнения окружающей среды на здоровье и благополучие человека. За-

¹¹ *Fadееva v Russia*, № 55723/00, 09.06.05. Заявительницу по этому делу представляли в Суде юристы ЕНРАС и «Мемориала». См. также приложение С(iii).

заявительница проживает в Череповце – крупном металлургическом центре, расположенном приблизительно в 300 км к северо-востоку от Москвы. Завод, на котором работает около 60 тыс. человек, является крупнейшим сталеплавильным предприятием в России и главным работодателем города. Власти установили буферную зону в 1000 метров вокруг территории завода «Северсталь». Несмотря на то, что эта зона предназначена для того, чтобы отделять завод от жилых районов города, в ней проживают тысячи людей. Заявительница проживает в муниципальной квартире на территории зоны вместе с семьей с 1982 г.

В санитарно-защитной зоне официально измерялся уровень загрязнения и, по утверждению заявительницы, в 1990-1999 годах средняя концентрация пыли, дисульфида углерода и формальдегида во много раз превышала предельно допустимый уровень. Также была зарегистрирована избыточная концентрация токсичных веществ.

Заявительница и другие жители зоны обратились в суд с иском против металлургического завода, требуя переселения за пределы зоны в экологически безопасный район. Городской суд постановил, что заявительница в принципе имеет право на переселение за счет местной администрации. Суд не отдал конкретного распоряжения о переселении, однако потребовал от местных властей поставить ее в приоритетную очередь на получение нового жилья. Однако процедура исполнения решения была прекращена на том основании, что для людей, проживающих в санитарно-защитной зоне, не существовало «приоритетной очереди» на получение жилья. Заявительницу поставили в общую очередь на новое жилье под № 6820 в списке.

Было очевидно, что место жительства заявительницы подверглось воздействию промышленного загрязнения от металлургического завода, однако степень причиненного неудобства и воздействие загрязнения на заявительницу оспаривались сторонами. На протяжении значительного времени концентрация различных токсичных веществ в воздухе значительно превышала пределы, установленные российским законодательством в качестве безопасных. Следовательно, загрязнение было потенциально вредным для здоровья и благополучия людей, подвергающихся его воздействию. Кроме того, в соответствии с российским законодательством зона, в которой проживает заявительница, непригодна для проживания людей. Было установлено, что здоровью заявительницы был нанесен ущерб, и загрязнение оказало неблагоприятное воздействие на качество ее жизни дома.

При исследовании оснований для вмешательства в права заявительницы, Суд согласился с правительством в том, что работа данного металлургического завода вносит вклад в экономику Вологодской области и в этом отношении служит законной цели в значении ст. 8(2).

Суд отметил, что российские власти допустили, чтобы предприятие, загрязняющее окружающую среду, действовало в пределах густонаселенного города. Хотя ситуация в связи с заводом требовала особого обращения с проживающими внутри зоны, государство не предложило заявительнице никакого эффективного решения, с тем, чтобы помочь ей переехать из опасного района. Более того, не были разработаны и осуществлены какие-либо эффективные меры, которые бы учитывали интересы местного населения и были бы способны снизить промышленное загрязнение окружающей среды до приемлемого уровня. Государство не сумело достичь справедливого равновесия между интересами общества и эффективным использованием заявительницей своими правами и тем самым допустило нарушение ст. 8.

8.4 УГОЛОВНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО

Для проблем, связанных с уголовным разбирательством, наиболее важными положениями Конвенции являются ст. 5 и 6. В этой главе ст. 6 уже рассматривалась в связи с гражданским разбирательством. Ст. 5 регулирует лишение свободы — лежащий в ее основании принцип состоит в предотвращении произвольного задержания. Ст. 5(1) содержит исчерпывающий перечень ситуаций, в которых лишение свободы может считаться законным. Кроме того, любое лишение свободы должно производиться в соответствии с национальным законодательством. Другие пункты ст. 5 содержат конкретные гарантии — например, такие, как право быть незамедлительно доставленным к судье.

Ст. 6 становится применимой в случае предъявления уголовного обвинения. Понятие «уголовное обвинение» носит автономный характер и не обязательно соответствует значению термина «обвинение» в национальном законодательстве. Суд придерживается позиции, согласно которой ст. 6 применяется в тех случаях, когда принятая властями в отношении некоторого лица мера, основанная на подозрении в совершении им уголовного преступления, оказала существенное воздействие на положение этого лица.

Ст. 4 Протокола 7 — право не привлекаться к суду или не подвергаться наказанию повторно — является еще одним положением, от-

носящимся к данному вопросу. При этом не будет нарушением возобновление разбирательства по делу, если это производится в соответствии с внутренним законодательством и имеются свидетельства о новых или вновь открывшихся обстоятельствах, или в предыдущем разбирательстве были допущены существенные недостатки, которые были способны повлиять на исход дела.

8.4.1 Основания для лишения свободы

В деле *Гусинского против России*¹² заявителем являлся бывший председатель правления и мажоритарный акционер ЗАО «Медиа-Мост».

Г-н Гусинский был арестован по подозрению в мошенничестве. Утверждалось, что посредством учреждения различных коммерческих организаций он мошенническим способом передал вещательные функции от государственного предприятия «Русское видео» частной компании ООО «Русское видео». Г-ну Гусинскому было предъявлено обвинение в мошенничестве, а сам он был освобожден из-под стражи через три дня под подписку о невыезде.

Во время содержания под стражей и. о. министра по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций предложил снять с заявителя уголовные обвинения при условии, что тот продаст «Медиа-Мост» государственной компании «Газпром» по цене, которая будет определена «Газпромом». После подписания этого соглашения уголовное дело было прекращено. После отмены меры пресечения в виде подписки о невыезде заявитель уехал в Испанию, а «Медиа-Мост» отказался выполнять соглашение на том основании, что оно было заключено под давлением.

Суд вначале исследовал дело по ст. 5 и установил, что в отношении требования об «обоснованном подозрении», содержащемся в ст. 5(1)(с), доказательства, собранные властями, могли убедить объективного наблюдателя в том, что заявитель, возможно, совершил преступление.

В связи с вопросом о том, было ли задержание осуществлено «в порядке, установленном законом», как этого требует ст. 5(1), Суд напомнил, что это требование предполагает не только соблюдение национального законодательства, но и само это законодательство должно обладать определенным качеством; в частности, оно должно быть в достаточной степени ясным и предсказуемым, чтобы избе-

¹² *Gusinskiy v Russia*, № 70276/01, 19.05.04.

жать любого риска произвольного задержания. Согласно действовавшему в то время в России Уголовно-процессуальному кодексу, взятие под стражу до предъявления формальных обвинений, как в случае заявителя, допускалось «при исключительных обстоятельствах». Стороны согласились с тем, что значение этого выражения не было раскрыто в кодексе, а правительство не представило никаких примеров ранее рассмотренных дел, в которых было бы установлено наличие подобных «исключительных обстоятельств». Соответственно, не было продемонстрировано, что данная норма соответствует требованиям «качества» закона, установленным в ст.5(1).

Было допущено и нарушение национального законодательства — следователь должен был прекратить производство по делу заявителя, как только он узнал, что тот награжден Орденом дружбы народов. Было очевидно, что данное обстоятельство было известно с самого начала. Следовательно, имело место нарушение ст. 5.

Далее заявитель жаловался, что подлинной целью его задержания было заставить его продать свое дело «Газпрому» на невыгодных условиях в нарушение ст. 18, которая гласит, что ограничения, разрешенные Конвенцией, не должны применяться для иных целей, нежели те, для которых они предусмотрены.

Суд отметил, что тот факт, что заключенное соглашение связывало прекращение уголовного дела против заявителя с продажей им своей медиа-организации контролируемой государством компании «Газпром», не оспаривался. По мнению Суда, целью таких публично-правовых мер, как уголовное разбирательство и содержание под стражей, не является использование в качестве стратегии при совершении коммерческих сделок. В обстоятельствах данного дела Суд не мог не установить, что ограничение свободы заявителя, допустимое в соответствии со ст. 5(1)(с), было применено не только для того, чтобы заявитель предстал перед компетентным судебным органом по обоснованному подозрению в совершении преступления, но и по сторонним причинам. Поэтому имело место нарушение ст. 18 в сочетании со ст. 5 Конвенции. В этом деле нарушение ст. 18 было установлено впервые — по мнению Суда, было очевидно, что государство злоупотребило своими правоприменительными полномочиями в коммерческих целях.

Другим примером применения Судом ст. 5 является дело *Рохлиной против России*¹³. Заявительница была арестована по подозрению в

¹³ *Rokhlina v Russia*, № 54071/00, 07.04.05.

убийстве (выстрелом из огнестрельного оружия) своего мужа, генерал-лейтенанта Льва Рохлина, депутата российского парламента. Срок ее предварительного заключения продлевался 5 раз на период в 18 месяцев, который является максимально разрешенным в соответствии с национальным законодательством. В ноябре 2000 г. она была признана виновной в убийстве, однако приговор был отменен Верховным Судом в июне 2001 г., и дело передано в суд первой инстанции, где на момент вынесения решения Судом оно все еще ожидало рассмотрения.

Суд, во-первых, отметил, что любая система обязательного предварительного заключения сама по себе несовместима со ст. 5(3). На национальных властях лежала обязанность установить и продемонстрировать наличие конкретных обстоятельств, перевешивающих норму о соблюдении личной свободы. Перенос бремени доказывания на задержанного в таких делах был равносителен ниспровержению принципов, установленных в ст. 5, которая признает содержание под стражей в качестве исключительного отступления от права на свободу личности, допустимого лишь в исчерпывающем перечне строго определенных случаев.

Решения национальных судов не приняли во внимание конкретных значимых для дела обстоятельств — например, того, что заявительница ранее не была судима, постоянно проживала и имела семейные связи в Москве. Вместо этого они опирались исключительно на тяжесть обвинений и перенесли на обвиняемую бремя доказывания отсутствия даже гипотетической опасности того, что она скроется от правосудия, совершит повторное преступление или войдет в сговор. Таким образом, власти продлевали содержание заявительницы под стражей, исходя из оснований, которые не могут считаться «достаточными». Поэтому имело место нарушение ст. 5(3).

В связи со ст. 5(4) Конвенции Суд установил, что общая продолжительность соответствующего разбирательства по вопросу о правомерности продолжения предварительного заключения заявительницы составила примерно месяц и десять дней. В течение этого времени вопрос о законности ее содержания под стражей рассматривался в двух инстанциях, и по мере возможности слушания проводились в рамках установленных внутренним законодательством сроков. В связи с этим Суд постановил, что не было нарушения ст. 5(4) в отношении «безотлагательности» рассмотрения национальными судами.

Ст. 6 требует проявления особой тщательности при проведении

уголовного разбирательства в тех случаях, когда обвиняемый находится в предварительном заключении. В деле *Рохлиной* разбирательство продолжалось около шести лет и одного месяца и на момент вынесения решения Европейским Судом все еще не завершилось. Суд счел, что подобное положение не соответствует требованию проведения разбирательства в «разумный срок», и признал нарушение ст. 6.

8.4.2 Надзорное производство по уголовным делам

Дело *Никитина против России*¹⁴ касалось пересмотра уголовного дела в порядке надзора. Заявитель, бывший морской офицер, сотрудничал с экологическим проектом неправительственной организации и работал над докладом под названием «Российский Северный флот. Источники радиоактивного загрязнения». В офисе НПО Федеральной службой безопасности был проведен обыск. ФСБ изъяла проект доклада, допросила заявителя и возбудила в отношении него уголовное дело по подозрению в государственной измене на том основании, что доклад предположительно содержал информацию об авариях на российских подводных лодках, которая относилась к государственной тайне.

Заявитель был судим по обвинению в государственной измене посредством шпионажа и разглашения государственной тайны с отягчающими обстоятельствами. Суд вынес оправдательный приговор, который был оставлен в силе Верховным Судом. Через месяц Генеральный прокурор подал в Президиум Верховного Суда протест с требованием о пересмотре дела в порядке надзора. Он требовал переоценки применимых норм, фактов и доказательств, содержащихся в материалах дела, и передачи дела для производства дополнительного расследования. Президиум Верховного Суда отклонил протест прокурора и оставил приговор без изменения.

Ссылаясь на ст. 4 Протокола 7, заявитель утверждал, что пересмотр в порядке надзора окончательного оправдательного приговора в отношении него представлял собой нарушение его права не быть судимым дважды за преступление, в совершении которого он был окончательно оправдан. Суд, однако, отметил, что заявитель не был «судим повторно» и не подлежал «суду» дважды; пересмотр в по-

¹⁴ *Nikitin v Russia*, № 50178/99, 20.07.04.

рядке надзора мог рассматриваться как возобновление процесса по окончательно разрешенному уголовному делу — на основании новых или вновь открывшихся обстоятельств или существенных нарушений, — соответствующее положениям Конвенции.

8.4.3 Условия содержания под стражей

Лишь в 2001 г. Суд впервые постановил, что условия содержания под стражей могут представлять собой нарушение Конвенции. Ст. 3 Конвенции устанавливает запрет на пытки и бесчеловечное и унижающее достоинство обращение и наказание. Это одно из абсолютных прав, от которых государства не могут отступать ни при каких обстоятельствах, и прецеденты, рассмотренные ниже, относятся как к предварительному заключению, так и к содержанию в тюрьмах.

Решение по делу *Калашников против России*¹⁵ было вторым из вынесенных Европейским Судом решений в отношении России. Заявитель, президент банка, был обвинен в незаконном присвоении средств банка. Он содержался под стражей в течение четырех лет до осуждения. 11 месяцев спустя он был освобожден из тюрьмы по амнистии.

Большую часть своего содержания под стражей он провел в Магаданском СИЗО. Заявитель жаловался на условия, в том числе на следующие обстоятельства: площадь его камеры составляла 17 кв. м., в ней находилось восемь спальных мест в два яруса и содержались 24 заключенных; было невозможно нормально спать, поскольку телевизор и верхний свет никогда не выключались; пользоваться уборной приходилось на виду у остальных заключенных и надзирателя; заключенные принимали пищу в камере за столом, находящимся всего в метре от туалета; в камере не было вентиляции, и там было душно и жарко летом и очень холодно зимой; его окружали люди, которые много курили; камеры кишели тараканами и муравьями; он заразился рядом кожных болезней и грибковых инфекций, у него сошли ногти на ногах и на некоторых пальцах рук, он был вынужден лечиться от чесотки; шесть раз в его камеру помещали заключенных, больных туберкулезом и сифилисом, и ему делали профилактические инъекции антибиотиков.

Суд отметил, что на каждый отрезок времени в камере заявителя на одного заключенного приходилось 0,9-1,9 кв. м площади. Евро-

¹⁵ *Kalashnikov v Russia*, № 47095/99, 15.07.02.

пейский Комитет по предупреждению пыток и бесчеловечного и унижающего достоинство обращения и наказания установил в качестве примерного желательного стандарта площадь в 7 кв. м на заключенного в камере. Таким образом, по мнению Суда, камера была постоянно и очень сильно переполнена, что само по себе поднимало вопрос соблюдения ст. 3.

Суд также принял во внимание следующие факторы: лишение сна; отсутствие достаточной вентиляции в камере заявителя, где содержалось избыточное число заключенных, которым разрешалось курить; заражение камеры насекомыми; грязное, запущенное состояние камеры и области уборной и отсутствие подлинного уединения; а также, что на протяжении своего содержания под стражей заявитель заразился различными кожными болезнями и грибковыми инфекциями. Суд далее отметил с глубокой озабоченностью, что заявитель несколько раз содержался вместе с заключенными, страдавшими сифилисом и туберкулезом.

Суд принял утверждение о том, что в данном деле наличествовал умысел унижить заявителя. Тем не менее, отсутствие подобной цели не могло исключить вывод о наличии нарушения ст. 3. Суд счел, что условия содержания, которые заявитель был вынужден терпеть примерно 4 года и 10 месяцев, должны были причинить ему значительное психологическое страдание, умалить его человеческое достоинство и породить в нем чувства, ведущие к унижению и попранию достоинства личности. Суд поэтому постановил, что условия содержания заявителя, в совокупности с продолжительностью содержания в таких условиях, были равносильны унижающему обращению. В этом деле Суд также установил нарушения ст. 5(3) и 6(1).

Следующим делом, касающимся условий содержания, является дело *Новоселова против России*¹⁶. Заявитель содержался под стражей и отбывал срок за нарушение общественного порядка в тюрьме г. Новороссийска. Общая продолжительность его содержания составляла 6 месяцев.

Сторонами не оспаривалось, что заявитель содержался в камере площадью примерно 42 кв. м, в которой помешалось от 42 до 51 заключенного на 30 спальных мест. Не оспаривалось и то, что уборная заключенных находилась в камере.

¹⁶ *Novoselov v Russia*, № 66460/01, 02.06.05. Заявителя по этому делу представляли юристы ЕНРАС и «Мемориала». См. также приложение С(ii).

Заявитель также утверждал, что: у заключенных не было постельного белья; вентиляция в камерах включалась всего на несколько минут во время посещения инспекции; большая часть окна была закрыта металлическими щитами; пол был покрыт толстым черным слоем грязи; а одежда заключенных кишела вшами, пауками и другими насекомыми.

Заявитель заразился чесоткой и не был изолирован от других заключенных; также не отделялись из камеры его сокамерники, заразившиеся чесоткой и другими кожными болезнями. Заявитель утверждал, что несколько раз в камеру на несколько дней помещались больные туберкулезом заключенные. Правительство же утверждало, что заразившиеся заключенные изолировались в специальном крыле.

Суд отметил, что заявитель провел весь шестимесячный срок заключения в камере, имея менее чем 1 кв. м личного пространства и будучи вынужденным делить спальное место с другими заключенными, отдыхая по очереди с ними. За исключением часовой ежедневной прогулки заявитель находился внутри своей камеры 23 часа в день. Правительство признало, что окна камеры были закрыты металлическими ставнями, преграждающими поступление свежего воздуха и естественного света, и что заявитель дважды заболел с высокой температурой и заразился дерматитом во время заключения. Эти факторы, в сочетании с огромной переполненностью означали, что условия содержания заявителя выходили за пределы, допустимые в соответствии со ст. 3.

Правительство также утверждало, что переполненность была вызвана объективными причинами, и сотрудников учреждения нельзя признать ответственными за это. Суд указал, что, даже если со стороны сотрудников тюрьмы не было вины, следует подчеркнуть, что российское правительство отвечает по Конвенции за действия любого государственного органа, поскольку вопросы, рассматривающиеся во всех делах перед Судом, относятся к международной ответственности государства. Поэтому Суд постановил, что имело место нарушение ст. 3.

8.5 ЧЕЧНЯ

В трех получивших широкий резонанс решениях Суд исследовал положение в Чечне. Первыми делами были дела *Хашиева и Акаевой*

против России, Исаевой, Юсуповой и Базаевой против России и Исаевой против России¹⁷. Заявители по этим делам жаловались на внесудебные казни членов их семей и на беспорядочную бомбардировку российскими военными самолетами гражданских лиц, покидавших Грозный в октябре 1999 г., а также деревню Катыр-Юрт в феврале 2000 г.

Суд исследовал вопрос о том, выполнили ли российские власти свои обязательства принять позитивные меры по защите права на жизнь по ст. 2 Конвенции. Суд отметил, что там, где потенциально смертоносная военная сила применяется при преследовании законной цели, каковой, например, является защита от незаконного нападения, использованная сила должна быть строго соразмерной достижению этой цели. Операции, предполагающие потенциальное использование смертельной силы, должны планироваться и контролироваться таким образом, чтобы минимизировать риск для жизни. При выборе средств и методов следует принимать все возможные меры предосторожности.

Рассматривая обстоятельства данных жалоб, Суд отметил, что ни в одном из этих дел власти не предоставили Суду полных материалов следствия. Однако на основании материалов, находящихся в его распоряжении, Суд установил, что родственники заявителей Хашиева и Акаевой были убиты военнослужащими, поскольку не было иного правдоподобного объяснения их смертей, и российские власти не утверждали, что действия государственных агентов были оправданы.

В отношении воздушной бомбардировки снарядами людей, уезжавших из Грозного в Ингушетию, Суд сначала предположил, что с учетом обстоятельства конфликта в Чечне во время событий, военные могли обоснованно счесть, что имело место нападение или угроза такового, а удар с воздуха мог быть законной реакцией на это нападение. Однако властям должно было быть известно, что в то время данная дорога использовалась тысячами людей в качестве «гуманитарного коридора», и это должно было заставить их задуматься о необходимости крайней осторожности в отношении использования смертоносной силы. Однако не было очевидно, что ответственные за планирование и контроль над операцией или сами летчики это

¹⁷ *Khashiyev and Akayeva v Russia*, №№ 57942/00, 57945/00, *Isayeva, Yusupova and Bazayeva v Russia*, №№ 57947/00, 57948/00, 57949/00, and *Isayeva v Russia*, № 57950/00, решения по всем делам вынесены 24.02.05. Заявителей по всем этим делам представляли юристы ЕНРАС и «Мемориала». См. также приложение С(iv).

осознавали. Поскольку использовалось очень мощное вооружение, и не было сделано ссылок на положения внутреннего законодательства, регулирующие использование силы его представителями в таких ситуациях, Суд не согласился с тем, что операция планировалась и проводилась с требуемой заботой о жизни мирного населения.

В отношении воздушного удара по деревне Катыр-Юрт Суд установил, что когда военные рассматривали план развертывания авиации, оснащенной тяжелыми боевыми орудиями в границах населенного района, они должны были учесть связанную с этим опасность. Однако не было доказательств, позволяющих сделать вывод, что такие соображения играли значительную роль в планировании.

В дополнение к материальным нарушениям ст. 2 Суд установил, что расследование убийств было неадекватным, и поэтому имели место и процессуальные нарушения ст. 2. Кроме того, Суд также установил нарушения ст. 13 и ст. 1 Протокола 1.

В недавнем деле *Шамаева и 12 других против Грузии и России*¹⁸ Суд исследовал ситуацию, где 13 российских и грузинских граждан чеченского происхождения были арестованы и содержались под стражей в Грузии по обвинению в незаконном пересечении границы, ношении оружия в целях нападения и контрабанде оружия. Российские власти обратились к грузинским властям с просьбой об их экстрадиции, утверждая, что задержанные являются боевиками-террористами, принимавшими участие в военных действиях в Чечне. Сначала Грузия дала разрешение на экстрадицию пятерых из них. Они содержались под стражей в России, где против них было возбуждено дело, они были признаны виновными и приговорены к срокам от 1,5 до 10 лет заключения. Другие заявители были впоследствии освобождены, однако некоторые из них были вновь задержаны в России.

До того, как депортация была осуществлена, заявители обратились к Суду с прошением о применении в соответствии с Правилем 39 предварительной меры (см. п. 3.4.10 выше). Суд удовлетворил это прошение и попросил грузинское правительство не экстрадировать заявителей до того, как Суд получит возможность рассмотреть дело. Однако некоторые из заявителей были экстрадированы несмотря на указание о применении этой предварительной меры. Через полтора месяца Суд решил не распространять применение Правила 39 в свете обязательств, данных Россией. Однако поездку в Россию с целью

¹⁸ *Shamayev and 12 others v Georgia and Russia*, № 36378/02, 12.04.05.

установления обстоятельств дела пришлось отменить из-за нежелания российских властей сотрудничать с Судом.

Что касается Грузии, Суд установил нарушения ст. 3, 5, 13 и 34. В отношении России Суд сначала исследовал дело по ст. 38 и повторил тезис об основополагающей важности принципа сотрудничества с ним Договаривающихся государств. Помимо этого, на российском правительстве лежала обязанность соблюсти конкретные обязательства, которые оно дало Суду, а именно предоставить Суду беспрепятственный доступ к экстрадированным заявителям, в том числе возможность визита по выяснению обстоятельств. На основании этих обязательств Суд решил снять предварительную меру, предписанную Грузии, и провести расследование на месте в Грузии и России. Однако Суд смог провести только часть расследования, проходившую в Грузии.

Столкнувшись с отказом в допуске к заявителям, Суд неоднократно призывал российское правительство позволить ему провести расследование с целью установления обстоятельств. Правительство не дало благоприятного ответа, и при этом ни одна из приведенных им причин не могла освободить его от обязательства сотрудничать с Судом в его попытках установить истину.

Препятствуя визиту Суда по установлению обстоятельств дела и отказывая ему в доступе к заявителям, содержащимся под стражей в России, правительство недопустимым образом помешало установлению обстоятельств и тем самым не выполнило своих обязательств по ст. 38(1)(a).

В отношении ст. 34 Суд отметил, что на российском правительстве лежала обязанность соблюсти конкретные обязательства, которые оно дало Суду, а именно предоставить всем заявителям беспрепятственный доступ к Суду.

Однако, несмотря на просьбу Суда, представители заявителей не могли вступить в контакт с ними, и даже Суду было отказано в разрешении опросить их. Поэтому Суд счел, что эффективное расследование жалоб заявителей против Грузии потерпело ущерб из-за поведения российского правительства, и исследование приемлемой части жалобы в отношении России было невозможным. Поэтому имело место нарушение ст. 34.

8.6 ЮРИСДИКЦИЯ И ЭКСТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ И УПУЩЕНИЯ

В деле *Илашку и другие против Молдовы и России*¹⁹ жалоба была подана против Молдовы и России. Дело касалось четверых заявителей, которые содержались под стражей в Приднестровской Молдавской республике (ПМР), регионе Молдовы, объявившем о своей независимости в 1991 г. Суд сначала должен был разрешить вопрос о юрисдикции — несли ли Молдова, или Россия, или оба государства ответственность по Конвенции за положение заявителей? Суд заявил в отношении Молдовы, что молдавское правительство — единственное законное правительство Республики Молдова в соответствии с международным правом, — не осуществляло власти над частью своей территории, которая находилась под фактическим контролем ПМР. Однако, несмотря на это, Молдова все равно обладала позитивным обязательством по ст. 1 Конвенции принимать все меры, которые были в ее власти, и в соответствии с международным правом обеспечивать заявителям права, гарантированные Конвенцией.

В отношении России Суд заявил, что во время молдавского конфликта в 1991-1992 гг. силы бывшей 14-й армии, размещенные в Приднестровье, воевали на стороне сепаратистских сил. Большие количества вооружения добровольно передавались сепаратистам. Кроме того, на всем протяжении столкновений между молдавскими властями и приднестровскими сепаратистами российские лидеры поддерживали сепаратистские власти своими политическими заявлениями.

Российские власти поэтому внесли как военный, так и политический вклад в создание сепаратистского режима в Приднестровье. Даже после перемирия, заключенного 21 июля 1992 г., Россия продолжала оказывать военную, политическую и экономическую поддержку сепаратистскому режиму, тем самым давая ему возможность выжить, укрепиться и получить определенную автономию от Молдовы.

Российская армия до сих пор размещена на молдавской территории в нарушение обязательства о выводе войск. ПМР остается под фактическим контролем или, по меньшей мере, под решающим влиянием России и выжила в силу военной, экономической, финансовой и политической поддержки, которую Россия ей оказывала.

При таких обстоятельствах Суд счел, что имела место продолжаю-

¹⁹ *Ilaşcu and others v Moldova and Russia*, № 48787/99, 08.07.04.

щаяся и непрерывная ответственность со стороны России за судьбу заявителей, поскольку ее политика по поддержке режима и сотрудничеству с ним продолжалась и после 5 мая 1998 г., когда Россия не попыталась положить конец положению заявителей, вызванного действиями ее представителей, и не предприняла действий по предотвращению предположительно совершенных нарушений. Поэтому заявители подпадали под «юрисдикцию» России, и ее ответственность имела место в связи с обжалуемыми действиями. Суд далее установил нарушения ст. 3, 5 и 34 как Россией, так и Молдовой. Он также постановил, что «государства-ответчики должны принимать все возможные меры к тому, чтобы положить конец произвольному содержанию заявителей, до сих пор находящихся под стражей, и обеспечить их немедленное освобождение».

Судья Ковлер выступил с особым мнением к этому решению, в котором он подверг резкой критике методологию Суда при установлении обстоятельств и его правовые выводы. 13 июля 2005 г. Комитет министров, осуществляющий контроль над исполнением решений, издал вторую предварительную резолюцию в связи с этим делом, в которой подверг критике российское правительство за то, что оно, несмотря на выплату назначенной справедливой компенсации, вновь выразило сомнения в правомерности решения Суда. В дальнейшем правительство не представило никакой новой информации относительно попыток обеспечить освобождение заявителей, которые до сих пор находятся под стражей (Interim Resolution Res DH(2005)84).

